

РУССКИЕ СВЯТЫЕ

ПАТРИАРХ

ТИХОН

БОЖИЙ ИЗБРАННИК

МИХАИЛ ВОСТРЫШЕВ

Михаил Вострышев

Патриарх Тихон

«Алисторус»

2009

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Вострышев М. И.

Патриарх Тихон / М. И. Вострышев — «Алисторус», 2009

ISBN 978-5-235-03300-9

Книга рассказывает о жизни и великом духовном и человеческом подвиге святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. С ноября 1917 года, когда в России было восстановлено патриаршество, ему выпала непомерно тяжелая доля возглавить угнетаемую и разрушаемую Русскую Церковь, сохранить в чистоте православную веру. Новое издание книги дополнено подробной хроникой первосвятительского служения патриарха Тихона за 1917-1925 годы.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-235-03300-9

© Вострышев М. И., 2009
© Алисторус, 2009

Содержание

Русское патриаршество	6
Церковный собор	9
Избрание патриарха	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Вострышев

Патриарх Тихон

© ООО «Издательство Алгоритм», 2009

* * *

Русское патриаршество

Мечта о русском патриаршестве возникла в середине XVI века как осознание Русской Церковью перехода к ней от павшего Царьграда Вселенской миссии православия. 26 января 1589 года среди древних патриарших кафедр появилась новая – Московская, что стало доказательством духовного авторитета Русской Церкви и силы Русского государства. Царь Федор Иоаннович, с благословения константинопольского патриарха Иеремии, на торжественной церемонии выбрал из трех кандидатов достойнейшего – митрополита Московского Иова и вручил ему символ патриаршей власти – посох святого митрополита Петра. В Успенском соборе Московского Кремля после божественной литургии владыку Иова трижды посадили на патриаршее место с пением «Ис полла эти, деспота!»¹.

Царь поднес первому русскому патриарху золотую панагию с драгоценными камнями «да клобук вязан бел с камением, с яхонты и с жемчуги, наверху площ золот чеканен, а на нем крест; по клобуку ж дробницы золоты чеканены».

Деяния первых патриархов совпали со Смутным временем, с попыткой поляков уничтожить русскую государственность. Святитель Иов, не признавший Лжедмитрия, стал первым в череде русских патриархов-мучеников. Сторонниками самозванца он был схвачен в церкви во время молитвы, жестоко избит и заключен в Старицкий монастырь, где через два года умер. В то поистине Смутное время патриарх Иов показал силу своей воли, непоколебимую твердость и великую любовь к Отечеству.

Продолживший борьбу с иноземцами патриарх Ермоген был заточен в темницу, где и скончался от голода и жажды, но перед смертью успел послать с верными людьми проклятие изменникам, «а вам всем благословение и разрешение в этом веке и в будущем за то, что стоите за веру непоколебимо, а я должен за вас Бога молить».

Не единожды Русская Церковь во главе со своими святителями, жертвуя телом, но не духом, возглавляла спасение Родины от порабощения. Но только земля успокаивалась от пролитой крови, как Церковь, чуждаясь политики, становилась мирным богомольцем, привносящим в народ духовные заповеди, нравственные законы, миропонимание, красоту, память о прошлом, об обычаях и устоях.

Но 16 октября 1700 года, со смертью патриарха Адриана, император Петр I, испугавшись, что новый избранный Церковным Собором патриарх станет в России вторым государем и возглавит недовольных государственными реформами, решил подмять под себя Церковь, уничтожив патриаршество и, в подражание лютеранству, учредил для управления церковными делами Духовный коллегиум, или Синод.

Святейший Синод получал и обязан был исполнять указы, поступавшие из Сената, Верховного тайного совета и Кабинета министров. Ober-прокурор Синода стал государевым оком в Церкви, зорко надзирающим и властно повелевающим. Государство постепенно поглощало как органы управления Церкви, так и ее имущество и земли. Но православие на Руси, как и прежде, оставалось всенародной религией, свет его проникал в самые глухие селения, подвижники благочестия – святитель Тихон Задонский, преподобный Серафим Саровский, преподобный Амвросий Оптинский – сохраняли небесную чистоту христианства.

Ни в XVIII, ни в XIX веке не умирала в народе мысль о возвращении России патриарха – великого народного угодника, Святейшего отца народа православного, его Печальника и Заступника.

Наступил XX век, век растерянности и раздора, окончательной утраты силы традиции, начала распада Российского государства. И тут вдруг все вспомнили о Русской Православ-

---

¹ Владыка, благослови! (греч.).

ной Церкви, насчитывавшей более ста миллионов прихожан, двести тысяч священноцерковнослужителей, семьдесят восемь тысяч храмов, многочисленные общины в Северной Америке, Западной Европе, Японии, Китае, Персии. Вспомнили, что в каждом русском доме, в каждой конторе и магазине висит икона, а каждый русский крещен и миропомазан. Вспомнили, что единственное место в России, поделенной на классы, партии, богатых и бедных, где хотя бы кратковременно люди чувствуют радость единения, – Церковь. Взоры высших чиновников, из которых многие и в Бога-то не верили, с надеждой обратились к православию. Они, два века его уничтожавшие и разорявшие, теперь, боясь развала государства, возжелали сохранить Россию с помощью сильной Церкви. Председатель Кабинета министров граф С. Ю. Витте непрестанно торопил императора Николая II с созывом Собора. Ему вторили высшие православные иерархи, убедившиеся в необходимости борьбы с глубоко пустившими корни в русскую землю иноземными «измами» – атеизмом, марксизмом, анархизмом. Надеялись, что с восстановлением соборности и патриаршества установится постоянное взаимодействие между духовенством и мирянами, что все дела – и духовные, и государственные – будут решаться всем миром, соборно. Патриарх же станет добрым пастырем, отцом всех духовных чад, символом соборного начала.

Восстановление патриаршества, писал в Св. Синод архиепископ Алеутский и Северо-Американский Тихон, «не только бы отвечало достоинству и величию Русской Церкви, но и управление ее более приближало к строю, начертанному в канонах».

Но партийные лидеры – как либералы, так и консерваторы – держались иного мнения. «Передовая интеллигенция» считала Церковь пережитком прошлого и не хотела, чтобы она смущала «новое общество» своей приверженностью к старине. Монархисты же довольствовались послушной властью Церковью и боялись, что, освободившись от опеки государства, она станет на сторону политических реформ.

Левая и правая печать дружно обрушили на читателей лавину ловких слов, доказывая, почему нельзя восстанавливать патриаршество.

Левые. Наступит небывалая диктатура в Церкви, и тогда прощай соборность.

Правые. Патриарх станет соперником царя.

Левые. Народ будет требовать великолепия для патриарха, а интеллигенция из-за этого потешаться над ним.

Правые. У нас наступает свобода печати, и брань в прессе на патриарха будет иметь для Церкви вредные последствия.

Левые. Если в патриархи будет избран человек смиренный – это глупо, властолюбивый – ужасно.

Правые. Патриаршество на Руси уже однажды вызвало раскол в Церкви.

Искусные атаки на православие не ограничивались словами. Манифест о веротерпимости от 17 апреля 1905 года ослабил ограничения для сектантов и прочих неправославных религий, усилил влияние католицизма в России. Многим православным иерархам казалось, что Церковь брошена на произвол судьбы, оставлена без государственной поддержки в самый критический момент истории. Да, свобода вероисповедания должна существовать. Но это идеал, которого можно желать, которого можно достичь лишь в идеальном государстве. Даже в стране свободы совести, как все любят называть Швейцарию, существует множество ограничений для других религий по сравнению с основной государственной.

Государь Николай II, уступая настойчивости иерархов, в начале весны 1905 года пообещал им, что немедленно распорядится созвать Собор. Но слишком многие в придворном мире не желали этого, и не прошло и месяца, как 31 марта император изменил свое решение:

«Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково сознание Поместного Собора.

Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления».

Надеялись, что «благоприятное для сего время» не за горами и настанет в пасхальную неделю. Тем временем хаос в стране с каждым днем нарастал. Даже в храмах участились воровство, хулиганство во время богослужений. Но надежда не умирала, и в следующем, 1906 году, Предсоборное присутствие на общем собрании 1 июня тридцатью тремя голосами против девяти постановило титуловать главу Церкви патриархом. Думали, что теперь-то уж пришел конец двухсотшестилетнего периода обезглавленной Церкви. Но впереди еще было долгое десятилетие, страна должна была погрузиться в беспощадную мировую бойню и постыдное партийное словоблудие, прежде чем народ осознал необходимость восстановления соборности и патриаршества.

1 ноября 1916 года кадет П. Н. Милюков с высокой думской трибуны произнес подленькую патетическую речь, напищанную заведомой ложью, в которой обвинил не только правительство, но и императрицу в государственной измене.

В ночь с 29 на 30 декабря был злодейски убит врачеватель больного наследника российской короны Григорий Распутин.

2 марта 1917 года Божий помазанник император Николай II под давлением «передовой общественности» отрекся от престола за себя и за сына.

К лету 1917 года Россия была пронизана духом полного разложения, недовольства, вседозволенности. Солдаты отказывались идти на фронт, рабочие предпочитали труду митинги, крестьяне жгли и растаскивали помещичье добро. Не по глухим лесам, а по людным городам бродили шайки дезертиров и выпущенных из тюрем уголовников, наводя страх на мирных обывателей.

Что же происходило после свержения монархии с Церковью, с духовенством, которое никогда не отделяло себя от самодержавия? Клирики восстали на своих архипастырей, псаломщики требовали дополнительных прав своему «сословию», прихожане и духовенство пребывали в постоянных ссорах по вопросам управления приходами. Предсоборный совет, открывшийся 12 июня 1917 года в Петрограде, быстро и решительно, по указке обер-прокурора Св. Синода В. Н. Львова, постановил: патриаршество противоречит соборности, а потому его не следует восстанавливать.

Но каждый новый день приносил все более грозные вести о положении на фронте и в тылу. Наконец после того, как 4 июля Петроград в очередной раз окрасился кровью, и не в сражении с иноземным захватчиком, а в братоубийственной резне, члены Святейшего Синода поняли, что в дни растерянности и раздора, царства грабежей и убийств, грядущего голода и духовного оскудения последняя надежда, единственное средство для объединения соотечественников – Собор, и постановили: «Признавая необходимым, ввиду чрезвычайных обстоятельств настоящего времени, немедленный созыв Поместного Собора Православной Российской Церкви», назначить его открытие «в день честного Успения Пресвятыя Богородицы 15 августа 1917 года в богоспасаемом граде Москве».

Церковный собор

Москва летом 1917 года уже ничем, кроме сурового Кремля и златоглавых храмов, не напоминала богоспасаемый град. Скорее она походила на вонючую клоаку, вобравшую в себя всю подлость революционного времени. Все искреннее, проникнутое любовью к Богу и большому Отечеству тонуло в дьявольском искушении вседозволенностью.

27 июня на Красную площадь выползли фронтовые калеки с требованием: «Здоровые – все на войну!» А рядом, на московских бульварах, пышущие здоровьем дезертиры преспокойно дулись в карты. Городская управа наотрез отказалась отдавать гостиницы под госпитали, пояснив, что эти помещения слишком роскошны для больных. Зато в мае 1917 года для нужд Совета рабочих комиссаров были реквизированы две самые фешенебельные – «Дрезден» и «Россия».

В церквах уныние, малолюдность. С войны каждодневно одни и те же вести: отступаем, отступаем. Из Петрограда тоже каждодневно: заседаем, во всех дворцах заседаем. Из провинции: грабим, всех и вся грабим. Московские обыватели, вернее та часть из них, кто не соблазнился прекраснодушным призывом «Свобода, равенство и братство» и призрачной мечтой о светлом будущем, поняли, что рушится веками строившийся привычный мир. Уныние и равнодушие охватили город.

И все же настал день, когда что-то вроде надежды промелькнуло на московских лицах – праздник Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1917 года. В этот день по древнеотеческому примеру был торжественно открыт в Москве Освященный Церковный собор. Москвичи за два века отвыкли от старины, ныне живущие видели разве что стенные росписи храмов, где изображены чинно заседающие святители. Но хранители древних традиций еще не перевелись, не исчезли старики – знатоки Священного Писания, учений святых отцов, церковных преданий. Они-то и пояснили любопытствующим, что на Собор собирались еще святые апостолы. Из разных стран, куда разошлись для проповеди Евангелия, прибыли они по Божественному призыву в Иерусалим в день бессмертного успения Пречистой Богоматери. И как в стародавние времена шли святые апостолы к гробу Богоматери, всю неделю перед 15 августа 1917 года, после утрени, шли крестные ходы из московских монастырей и приходских церквей в Успенский собор. Всю неделю со всех концов кровоточащего Отечества прибывали члены Собора – избранные Святой Руси, и первым делом шли в русский Сион – Успенский собор.

В праздник Успения Пресвятой Богородицы после божественной литургии на помост в центре Успенского собора встали шестьдесят святителей Русской Православной Церкви. Другие соборяне окружили их. Первосвятитель митрополит Киевский и Галицкий Владимир огласил грамоту об открытии Собора. Весь храм запел Символ веры. И было так хорошо, так соборно в этот миг, что казалось – достанет сил повести Россию благочестивым путем.

Длинной вереницей из Успенского собора процессия направилась на всенародное молебствие. На Красной площади, залитой ярким солнцем, уже собрались крестные ходы из двухсот пятидесяти монастырей и храмов Москвы. Сияли тысячи хоругвей, трезвонили тысячи колоколов. На Лобное место внесли Корсунские кресты, запрестольную икону Богоматери. Духовенство и миряне слились в единокорной соборной молитве:

«Да будет Господь среди собравшихся во Имя Его, да ниспошлет Он на них Духа Святого Святаго, наставляющего на всякую истину, да поможет Он Собору произнести решения и совершить дела истинно во славу Его, в созидание святой Его Церкви и на пользу и умиротворение нашей дорогой и многострадальной Родины».

Еще несколько дней – в храме Христа Спасителя, в Соборной палате Московского епархиального дома, в Троице-Сергиевой лавре – продолжались торжества по случаю открытия Собора, зачитывались многочисленные приветствия, в которых выражалась надежда, что

Собор послужит примирению и объединению всего российского народа, укреплению его духа Москвичи шутили по поводу затянувшихся торжеств: Собор как большой колокол, сразу не ударишь – наперед долго раскачивать надо.

16 августа в храме Христа Спасителя слово приветствия от Московской кафедры произнес митрополит Тихон:

– С великой радостью исполняю священный и вместе с тем приятный долг приветствовать чрезвычайный Собор от лица Московской Церкви. Москва издавна была носительницей и выразительницей церковных верований и религиозных упований. Не видя у себя свыше двухсот лет Церковного Собора, она не могла не скорбеть. Лучшие сыны ее – и архипастыри, и верующие миряне – жили мечтою о возобновлении соборной жизни Церкви, но по неисповедимым планам Божественного промысления им не суждено было дожить до настоящих счастливых дней, все они свидетельствованы в вере, не получив обетования. Подобно древнему Израилю, они лишь издали созерцали обетованное нам от Господа, но войти в обетованную землю не могли. И мы уповаем, что с созывом Церковного Собора обновится вся жизнь нашей Церкви, Собор вызовет прилив народной веры и религиозных чаяний.

Верующая Москва ожидает от Собора содействия и в устройстве государственной жизни. Всем ведомо, что Москва и ее святыни в прошлые годы деятельно участвовали в созидании Русской державы. Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти ее – этот вопрос составляет предмет крепких дум. Многомиллионное население Русской Земли уповает, что Церковный Собор не останется безучастным к тому тяжелому положению, которое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного нашего бытия, представляющую как бы поле, усеянное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю спросить: *оживут ли кости сия?*

Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите их, и оживут кости сия и созиждутся, и обновится лице Свято-русския земли!»

В Москву приехало 576 соборян – 277 священноцерковнослужителей и 299 мирян. Среди них десять митрополитов, семнадцать архиепископов и шестьдесят епископов, известные столичные протоиереи и никому не ведомые сельские священники, государственные деятели и ученые, офицеры и солдаты, купцы и крестьяне.

Заседания Собора, председателем которого был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (407 голосов – за, 33 – против), проходили в новом Епархиальном доме в Лиховом переулке, а жили соборяне поблизости – в Каретном ряду, в здании Московской духовной семинарии.

Начинался день в семь часов утра с божественной литургии в семинарской церкви. В 10 часов 15 минут во Владимирском храме Епархиального дома за большой стол перед алтарем садились высшие иерархи, остальные делегаты – на всем пространстве зала, откуда им был виден алтарь, сверкающие позолотой иконы, крест и семисвещник. Вся эта торжественная обстановка способствовала тому, чтобы вдохнуть новые творческие силы в церковное общество, создать церковную власть, приспособленную для нынешнего сложного времени, перейти от сословных интересов к соборности, влить живительные силы в приходскую деятельность, восстановить каноническое возглавление Церкви.

Но первые дни огорчили, посеяли опасения, что Собор не в силах будет справиться с возложенными на него задачами. О предстоящих препятствиях в самом начале деловых занятий предупредил почетный председатель Собора, митрополит Киевский и Галицкий Владимир:

– Мы все желаем успеха Собору, и для этого успеха есть основания. Здесь на Соборе представлены духовное благочестие, христианская добродетель и высокая ученость. Но есть нечто, возбуждающее опасение. Это – недостаток в нас единомыслия, как указали подготовительные работы к Собору, продолжавшиеся в течение последних двенадцати лет. Поэтому

я напомню апостольский призыв к единомыслию. Эти слова апостола имеют вселенское значение и относятся ко всем народам, ко всем временам, но в настоящее время разномыслие сказывается у нас особенно сильно. Оно возведено в руководящий принцип жизни. Без фракций, говорят, не обеспечен и порядок государственный. Разномыслие подкапывается под устои семейной жизни, под устои школы; под влиянием разномыслия многие откололись от Церкви; под влиянием разномыслия принимаются иногда такие преобразования, которые противоречат одно другому. Разномыслие раздирает государство. Нет ни одной стороны жизни, которая была бы свободна от пререканий и споров. Скажете, что для блага общества нужна власть, вам возразят, что всякая власть есть насилие и т. д. На чем же мы сойдемся? Православная Церковь молится о единении и призывает едиными устами и единым сердцем исповедовать Господа. Наша Православная Церковь устроена *на основании Апостол и Пророк, суицу краеугольну самому Иисусу Христу*. Это скала, о которую разобьются всякие волны. Сыны Церкви умеют подчинять свои личные мнения голосу Церкви. Они готовы более подчиняться, чем начальствовать, и ничего не ставят выше подчинения своих слов и действий игу Христову. Об объединении Своих учеников молился Спаситель: *Да еси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе*. Об этом должны молиться и мы: «Отче, свяжи их во истину Твою. Слово Твое истина есть».

Но, несмотря на страстный призыв владыки Владимира к единомыслию, соборяне начали первые заседания с бесконечных споров о законности полномочий того или иного избранника. Они вскакивали с мест, прерывали председательствующего, требовали слова «на одну минутку по мотивам голосования» и, дорвавшись до выступления, толкли воду в ступе, то ли желая выказать свои недюжинные ораторские способности, то ли зафиксировать перед Собором свое неохватное усердие.

И все же Господь снизошел на соборян, большинство осознали грех своего словоблудия и выказали единомыслие, заговорив о необходимом: Высшем церковном управлении, преподавании Закона Божия в школе, расходах казны, церковном проповедничестве. Но невольно разговор все чаще переходил к вопросу о восстановлении патриаршества. 12 сентября наконец решили, что настала пора его рассмотреть. Сразу же записалось выступить более ста желающих. Говорили страстно и противоречиво, ибо жизнь страны не благоприятствовала спокойному и сосредоточенному обсуждению.

Архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий:

– Государство уходит от благотворного влияния Церкви. А сама Церковь не должна страшиться этого, потому что она опирается на благодатные силы: она выше всего, яже суть в мире. Церковь становится воинствующей и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебра- тий. А если так, то для Церкви нужен и вождь.

В. В. Радзимовский, юрисконсульт при обер-прокуроре Св. Синода:

– Голосовать за патриаршество вообще не могу, так как не знаю, каков будет объем его власти и каков будет порядок его избрания.

Протоиерей Э. И. Бекаревич:

– Масоны на конгрессе постановили: ловите момент, когда на Руси будет низложен державный; гоните попов, осмеивайте религию – этого вы достигнете благодаря темноте русского народа. Эта новая религия надвигается на Россию... Распространяется древний гностицизм, спиритизм, каббала, теософия, отрицающие Христа. И я думаю, что нам нужен патриарх, возглавляющий Церковь, который и принял бы на себя борьбу с новой религией.

Профессор Петроградской духовной академии Б. В. Титлинов:

– Если явится один патриарх Московский, который получит наименование Всероссийского, то не можем поручиться, что через несколько месяцев должны будем снять титул Все-

российского. Опасность разъединения вполне реальна, а преимущества патриаршества гадательны.

Профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой:

– Чем кончится война? Возможно, что от государственного тела будут отторгнуты целые области с православным населением. И вот власть патриарха будет распространяться за границы государства и будет поддерживать в умах и сердцах отторгнутых областей идею национального и религиозного единства.

Торговый приказчик В. Г. Рубцов:

– Мы не должны забывать отдаленных времен, когда не было патриарха. Тогда Русская Церковь возглавлялась митрополитами. Они соревновались друг другу и держали свою паству на высоте христианского влияния. Перейдем к эпохе патриаршества. Он получает власти немного, но взял власть у народа и крепко держал ее, стал злоупотреблять властью и расколол русский народ. Эта язва гноится еще и в настоящее время.

Профессор Московской духовной академии архимандрит Илларион:

– Есть в Иерусалиме «стена плача». Приходят к ней старые правоверные евреи и плачут, проливая слезы о погибшей национальной свободе и о бывшей славе. В Москве в Успенском соборе тоже есть русская «стена плача» – пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и о былой славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская «стена плача»? Да не будет!

Присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов:

– Авторитет Собора требует приведения достаточно обоснованных и обсужденных мотивов для учреждения патриаршества в России.

Крестьянин Т. М. Гаранин:

– История Русской Церкви научила русский народ учиться не в коллегиальных учреждениях. Он знает Троицкую лавру, Почаевскую лавру, Соловецкий монастырь, и кто в этих монастырях, какие святители и подвижники. По ним живем, слышим их голоса. Потом патриархи Московские, их идеалами живем и движемся. И если бы вы вздумали сказать: «Не следует патриарха» – простой народ был бы страшно опечален.

Протоиерей Н. В. Цветков:

– Почему не следует голосовать за восстановление патриаршества в России? Мы верим в апостольскую Церковь. Под апостольской Церковью я разумею епископскую Церковь. Мне представляется здание с фасадом и крышей. Крыша – это епископы в Церкви. Кто бы ни продырявил крышу, за крышей нашел бы только небо, Небесного Главу. Зачем нам делать ненужный оплот? К чему эта надстройка над крышей, которая выше епископа в Церкви?

Священник В. И. Востоков:

– Нам известно, что прежние патриархи были печальниками за народ, вразумителями, а когда нужно, и бесстрашными обличителями народа и всех имущих власть. Дайте же и вы народу церковного отца, который страдал бы за горе Руси, умолял бы не губить ее, печаловался бы за народ, вразумлял его, а для темных сил, которые уводят народ от Христа и Церкви, хотя бы они сидели на правительственных местах, был грозным обличителем.

Мировой судья князь А. Г. Чагадаев:

– Дайте нам отца, дайте молитвенника. Но для этого, если бы Господь послал нам отца и молитвенника, не нужно ни сана, ни титулов. Если Господь пошлет его, он придет во власянице. Но где мы найдем такого человека в своей грешной среде? Не наделает ли патриарх тех же ошибок, как и прежний наш царь, который был с лучшими намерениями, который, может быть, и хотел блага народу, но не мог ничего сделать.

Торговец Д. И. Волков:

– Когда я узнал, что Временное правительство держится определенных антицерковных и антихристианских взглядов, то увидел, что Церковь остается предоставленной самой себе и должна иметь своего крепкого защитника и покровителя.

Законоучитель Александровского военного училища протоиерей Н. П. Добронравов:

– Вы даете ему силу лилипута, а требуете от него богатырских подвигов. Вы не даете ему ничего, а говорите:

«Он встал и спас». Что-нибудь одно из двух: или говорите прямо, что вы хотите дать патриарху всю полноту власти. Но тогда мы вам на это скажем: укажите такого человека, которого эта власть не раздавила? Мышонок львом не станет, и нельзя украшать его львиной гривой. Рожденный ползать летать не может, и неразумно прилеплять ему орлиные крылья. Или же – перестаньте говорить о богатырях и вождях и сознайтесь, что патриарх не будет гранитным колоссом в Церкви, а сделается одною лишь декорацией, правда красивой, но едва ли нужной.

Законоучитель реального училища священник М. Ф. Марин:

– Нельзя же народу полюбить, например, министерство. Народу нужна единоличная власть, которую он полюбил бы.

Соборяне спорили, а за окнами Епархиального дома все чаще раздавалась ружейная стрельба. По соседству, на Сухаревке, где раньше продавались старые книги и поношенная обувь, теперь дезертиры торговали солдатской формой и винтовками. Рабочие братались с солдатами и с пением «Интернационала» бродили по завшивевшей, тонущей в грязи первопрестольной. В городе не работали водопровод, канализация, стояли трамваи, бастовали заводы. Каждый день мог стать последним и для заседаний Собора, и для его членов, как, впрочем, и для каждого московского обывателя.

Избрание патриарха

Осень 1917 года в Москве выдалась жаркой, хотя погода стояла прохладная.

26 октября. Городской голова эсер В. В. Руднев сформировал Комитет общественной безопасности. Большевики – Военно-революционный комитет. Рабочие дружины выставили посты у Крымского, Большого Каменного, Москворецкого и Устьинского мостов. Газеты, кроме большевистских, закрыты. К вечеру отряды юнкеров и офицеров сосредоточились в Манеже и около Кремля. На Соборе предстояло еще выслушать девяносто ораторов и лишь потом проголосовать: нужно восстанавливать патриаршество или нет. Но от группы соборян в шестьдесят человек полковник Кубанского казачьего войска граф П. М. Граббе внес предложение прекратить прения, ибо не сегодня-завтра все будет решать грохот пушек и треск пулеметов. Он потребовал немедленно проголосовать установление патриаршества в Русской Церкви.

27 октября. Москва объявлена на военном положении. Утром на Красной площади перестреливались с выпущенными из тюрем дезертирами юнкера. По городу мечутся грузовики, нагруженные солдатами с винтовками на изготовку. Большевики укрепились в Кремле. Когда замолкли вечерние колокола и московские обыватели возвращались из храмов домой, город оглушили ружейные залпы – шла борьба за Кремль.

28 октября. К утру юнкера выбили из Кремля пятьдесят шестой полк. Через Спасские ворота выпустили пленных. То там, то здесь кто-то кого-то расстреливал.

Телефоны не работают, банки закрыты, повсюду караулы, дозоры, патрули, перестреливающиеся друг с другом. Всевозможные комитеты соревнуются: кто больше захватит комиссариатов, типографий, гаражей, складов. Стрекот пулеметов. В бой вступила артиллерия. Под гром орудий соборяне приняли постановление о восстановлении патриаршества.

29 октября. Попытка примирения между юнкерами и революционными солдатами сорвалась. В городе не смолкает беспорядочная стрельба, от которой гибнут по преимуществу мирные жители, отважившиеся добежать до ближайшего хлебного магазина. Солдаты захватили Зачатьевский женский монастырь. Большевик Израилев устроил, несмотря на протесты причта, наблюдательный пункт на колокольне храма Христа Спасителя, откуда корректировал прицельную стрельбу по Кремлю. Профсоюз железнодорожников «Викжель» выдвинул ультиматум о немедленном прекращении гражданской войны в Москве, иначе пригрозил всеобщей железнодорожной забастовкой. Рабоче-крестьянским правительством в Петрограде подписан «Декрет о мире» с иноземным врагом, а с соотечественниками развязана война. В этот воскресный день митрополит Московский и Коломенский Тихон должен был служить божественную литургию в храме Христа Спасителя. Но добраться до храма не смог ни владыка, ни его паства – их встретили на подступах к центру города пулеметные и ружейные пули. Епископ Камчатский Нестор, запасшись перевязочным материалом, пытался помочь раненым на московских улицах. За день его несколько раз арестовывали, обыскивали, допрашивали, несмотря на пастырское одеяние и милосердное занятие.

30 октября. Весь день не прекращался ураганный огонь пулеметов по Тверскому бульвару. Большевики заняли почту и телеграф. Повсюду злые солдатские лица. В пять часов вечера начался шквальный обстрел штаба Московского военного округа. В городе появилась какая-то третья вооруженная сила, стреляющая по всем, кто попадет под руку. На Соборе профессор Соколов прочитал доклад о способах избрания патриарха. Решено следовать примеру Константинопольской Церкви – сначала голосовать кандидатов, которых можно избирать как из епископов, так и из священников и даже из мирян. Намечено двадцать три кандидата.

31 октября. Артиллерия бьет и бьет по телефонной станции, городской Думе, «Метрополю», жилым кварталам – с Пресни, Кудринской площади, Замоскворечья. С колоколен цен-

тра Москвы стреляют по засевающим в Кремле и уже истратившим последние патроны юнкерам. Нервы москвичей, изголодавшихся в подвалах своих домов, от непрерывной канонады начинают сдавать. Насельники Чудова монастыря под грохот рвущихся снарядов перенесли мощи святителя Алексия, митрополита Московского, в подземную церковь священномученика Ермогена, где день и ночь не прекращалась церковная служба. Монахи исповедовались, причащались Святых Тайн, готовились к смерти. Соборяне в Епархиальном доме длинными вереницами выстроились перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосования дали требуемое большинство архиепископу Харьковскому и Ахтырскому Антонию (сто пятьдесят девять голосов) и архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению (сто сорок восемь голосов). Третье голосование – митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону (сто двадцать пять голосов). Так свободным голосованием на патриарший престол были намечены три основных кандидата.

1 ноября. Стреляют по всей Москве. Революционные войска с боем взяли телефонную станцию. Началась усиленная бомбардировка центра города. Тяжелые орудия беспорядочно бьют по Кремлю. Руководит расстрелом величайшей русской святыни революционный деятель и астроном П. К. Штернберг. Артиллерист Туляков панорамы в этот день не нашел – пришлось прицеливаться по Кремлю через дуло. Перелет был в двенадцать верст, убило пятерых обывателей. Второй снаряд ударил по трубе завода Гужона, третий – по Златорожскому валу. «Буржуазная» пресса, как и в предыдущие дни, не вышла. Газета «Социал-демократ», которую выпускали люди, никогда не нюхавшие фронтового пороха, заявила, что «самое имя офицера стало слишком ненавистно народу». Патриарха из трех намеченных кандидатур должны были выбрать одни епископы. Но они отказались от своего права, решив положиться на Господа. Вечером в актовом зале Московской духовной семинарии соборяне отслужили молебен об умиротворении и пропели «Со святыми упокой» за всех верующих, погибших на московских улицах в эти кровавые дни; выбрали депутацию идти в штаб большевиков – дом губернатора, а потом к юнкерам – в Кремль и умолять и тех и других о прекращении братоубийственной брани.

2 ноября. Всю ночь гремели орудия. К утру город, за исключением Кремля, полностью перешел в руки Военно-революционного комитета. Комитет общественной безопасности укрылся в Кремле. На улицах повсюду оборванные трамвайные провода, выбитые стекла, опустевшие баррикады. Пустынна Москва, лишь пикеты на перекрестках и грузовики с солдатами, спешащими на позиции – к стенам Кремля. И вдруг странное шествие. Протоиереи Чернявский и Бекаревич в епитрахиях, за ними с иконой священномученика Ермогена в руках архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Виссарион, в мантиях епископ Таврический Димитрий со святым Евангелием и епископ Камчатский Нестор со Святими Дарами, митрополит Кавказский Платон в белом клобуке, со святым крестом. Впереди процессии крестьяне Июдин и Уткин в скуфьях на головах, отчего походят на монахов, несут белые флаги с нашитыми на них красными крестами. Посланцы Собора с пением «Спаси, Господи, люди Твоя» идут по Петровской улице, сворачивают к Губернаторскому дому. По дороге им попадаются солдаты на лошадях и пешие. Несмотря на свою революционность и красные банты, многие из них снимают шапки и крестят глаза. Даже на заставе, где надо было предъявить пропуск, соборян не остановили. Первой преградила им путь барышня у дверей Губернаторского дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.